

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РОССИИ. РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Григорьев В.Н.

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация:** На протяжении всего периода своего существования институт возбуждения уголовного дела подвергался систематическим попыткам ре-формировать его с целью устранения запрета на производство следственных действий и мер процессуального принуждения, в особенности задержания подозреваемого, до возбуждения уголовного дела. Простота начала уголовного преследования является проявлением свободы доступа к правосудию и отражает поступательное развитие гражданского общества, в котором становится востребованным правовой механизм защиты прав и свобод путем задействования института уголовного преследования. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены следующие методы: анализа, структурно-логический метод и иные методы. В статье делается вывод о необходимости смены научной задачи. В науке уголовного процесса по предмету начала уголовного преследования традиционно исследуются проблемы стадии возбуждения уголовного дела, наиболее острая среди которых – допустимость проверочных средств, следственных действий и мер процессуального принуждения до принятия и оформления решения о возбуждении уголовного дела.*

***Ключевые слова:** Этап, уголовное преследование, дознаватель, уголовное обвинение, запрет, принуждение, защита, разумный срок, ограничение, права и свободы.*

По действующему законодательству в соответствии со ст. 21 УПК РФ, устанавливающей обязанность осуществления уголовного преследования, уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель, которые в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные в УПК меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 1, 2).

В соответствии со ст. 140, 146 УПК РФ при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и повода к возбуждению уголовного дела, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь возбуждают в пределах своей компетенции уголовное дело

Следовательно, начальный этап уголовного преследования совпадает с этапом, на котором решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Такое представление полностью совпадает с позицией Конституционного Суда Российской

Федерации, зафиксированной в Определении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 года № 374-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белюсовой Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: «Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет прокурор, следователь, орган дознания или дознаватель (статья 21). На реализацию целей уголовного преследования и направлены полномочия указанных должностных лиц по возбуждению уголовного дела при наличии к тому предусмотренных законом поводов и оснований, отказу в его возбуждении при их отсутствии и отмене незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении дела (статьи 140, 146-148)» [1].

В этой связи возникает вопрос, должно ли начало уголовного преследования быть для должностных лиц органов уголовного обвинения относительно свободным или его необходимо обставлять какими-то дополнительными условиями, документально-бюрократическими и инстанционными барьерами. Данный вопрос обусловлен тем, что, с одной стороны, быстрое, без промедления начало уголовного преследования является залогом его успеха, а с другой – эта деятельность существенно затрагивает права и свободы граждан и не может допускаться произвольно.

Простота начала уголовного преследования является проявлением свободы доступа к правосудию и отражает поступательное развитие гражданского общества, в котором становится востребованным правовой механизм защиты прав и свобод путем задействования института уголовного преследования.

Вместе с тем, уголовное преследование связано с применением мер принуждения, сам факт уголовного преследования до сих пор является официальным отрицательным обстоятельством в биографии человека. Не говоря уже об изъятах ценностях, уничтоженном бизнесе, потерянной работе, утрате социальных связей и т.д.

В этой связи возникает вопрос о необходимости ограничения права на уголовное преследование, исключения случаев необоснованного, произвольного, без достаточных оснований уголовного преследования. Такая позиция прямо вытекает из конституционного положения о том,

что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации).

Значительный период своеобразную функцию барьера, препятствующего произвольному началу уголовного преследования, в российской правовой системе выполнял институт возбуждения уголовного дела. Наибольшее развитие этот институт получил с принятием УПК РСФСР 1960 года как реакция на утвердившуюся в первой половине 20 века в России практику произвольного уголовного преследования. Основная идея этого института состоит в том, что возможность производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения допускается лишь при наличии документально подтвержденных достаточных данных, указывающих на признаки совершенного преступления, и оформлении в установленном порядке акта возбуждения уголовного дела.

На протяжении всего периода своего существования институт возбуждения уголовного дела подвергался систематическим попыткам реформировать его с целью устранения запрета на производство следственных действий и мер процессуального принуждения, в особенности задержания подозреваемого, до возбуждения уголовного дела. На сегодняшний день приходится констатировать очевидные тенденции к размыванию изначального назначения данного института служить своеобразным фильтром.

С одной стороны, все больший арсенал средств стал допускаться до возбуждения уголовного дела. Подтверждением этому служит Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2], которым ст. 144 УПК РФ дополнена двумя частями, а части первая и третья изложены в новой редакции, в результате чего перечень проверочных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, существенно и принципиально расширился. В частности, установлено, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе к дополнению к имеющимся в соответствии с ранее действовавшим законодательством проверочным действиям (производство документальных проверок, ревизий и привлечение к их участию специалистов; исследование документов, предметов, трупов; обязательное

для исполнения письменное поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий) еще получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование.

С другой, в уголовно-процессуальном праве сложилась система норм, которая предоставляет возможность защищать права и законные интересы граждан и до возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК. В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК, в том числе при приеме сообщения о преступлении (часть 1.1 введена Федеральным законом от 04.03.2013 N 23-ФЗ).

Отмеченные изменения не являются случайными. Это своеобразный итог в развитии уголовно-процессуального законодательства последнего времени, свидетельствующий об изменении правовой ситуации. Суть произошедшего изменения состоит в тенденции к замене тотально-бюрократического варианта обеспечения прав и свобод вовлеченных в сферу деятельности правоохранительных органов граждан на точечно-диспозитивный. Первый вариант допускает незначительное количество проверочных действий до принятия

решения о возбуждении уголовного дела при малом объеме прав граждан и отсутствии судебного контроля и полный их арсенал, сопровождаемый средствами прокурорского надзора и судебного контроля, после возбуждения уголовного дела. Особенности второго состоят в том, что обеспечение прав граждан, в том числе средствами судебного контроля и прокурорского надзора, происходит независимо от принятия либо не принятия решения о возбуждении уголовного дела, – непосредственно по факту осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица.

В этой ситуации акт возбуждения уголовного дела начинает восприниматься как атавизм. Данный вариант уголовного преследования предполагает начало процессуальных действий по факту обращения с заявлением об уголовном преследовании, независимо от документальной констатации обнаружения признаков преступления. В такой ситуации основные усилия правоприменителя должны сосредотачиваться на соблюдении установленного порядка и обеспечении прав граждан при производстве конкретных процессуальных действий. Предполагается также усиление ответственности за обоснованность инициирования уголовного преследования со стороны заявителей.

Для подобных изменений усматриваются определенные конституционно-правовые основания. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Весьма эффективным среди таких способов является защита путем уголовного преследования в рамках и по правилам уголовного судопроизводства. В этом случае гражданин или организация обращаются с заявлением о совершенном в отношении них или других лиц преступлении, и уполномоченные правоохранительные органы начинают в установленном порядке уголовное преследование, а суд при наличии к тому оснований выносит виновному приговор.

Применение такого варианта в большей мере характерно для дел так называемого частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Однако современная ситуация, обусловленная потребностями развития гражданского общества, предполагает расширение диапазона правовых средств, с помощью которых граждане и организации могут защищать свои права, в том числе за счет облегчения доступа к средствам уголовного преследования. В этом проявляется общественная потреб-

ность в распространении механизма уголовного преследования, установленного по делам частного обвинения, на все категории дел, и прежде всего, дела публичного обвинения.

В ч. 1 ст. 47 Конституции РФ установлено, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Государство признает и обеспечивает возможность каждому гражданину защищать свои права и свободы путем обращения за уголовным преследованием. В постановлении Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» установлено, что правовое регулирование должно согласовываться с предписаниями Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 года), по смыслу статьи 6 которой право на судебную защиту, предполагающее обеспечение каждому при определении его гражданских прав и обязанностей доступа к правосудию в разумный срок, должно служить гарантией от чрезмерного, не обусловленного конституционно оправданны-

ми целями ограничения прав и свобод граждан, в частности, на досудебных стадиях производства по уголовному делу[3].

Таким образом, есть основания для вывода о том, что идет размывание традиционной для российского уголовного судопроизводства конструкции начального этапа уголовного преследования.

Сказанное приводит к выводу о необходимости смены научной задачи. В науке уголовного процесса по предмету начала уголовного преследования традиционно исследуются проблемы стадии возбуждения уголовного дела, наиболее острая среди которых – допустимость проверочных средств, следственных действий и мер процессуального принуждения до принятия и оформления решения о возбуждении уголовного дела. Между тем, в современной складывающейся ситуации разрабатывать следует систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного преследования, факторы подвижности этой системы и организационно-правовой механизм реализации этой подвижности. Такой подход может повлечь размывание границ стадии возбуждения уголовного дела, однако он в большей мере отвечает задачам поиска адекватной современным потребностям гражданского общества модели начала уголовного преследования в Российской Федерации.

Библиография:

1. Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2007.
2. Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
3. Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

References (transliterated):

1. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. № 6. 2007.
2. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 9. St. 875.
3. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 14. St. 1749.